

ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 140.8

<https://elibrary.ru/sfcxrd>

ДВЕ ВЕРТИКАЛИ: ФОРМУЛА ЛЮБВИ В СОВЕТСКОМ АТЕИЗМЕ И В ПРАВОСЛАВНОМ ХРИСТИАНСТВЕ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Гусев Дмитрий Алексеевич

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии Московского
педагогического государственного
университета, профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Московского университета
имени С. Ю. Витте
111123, Россия, Москва, Шоссе Энтузиастов,
д. 82/2, кор. 1, кв. 19.
E-mail: gusev.d@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7078-4010>

Для цитирования: Гусев Д. А. Две вертикали: формула любви в советском атеизме и в православном христианстве (историко-философский и мировоззренческий аспекты). DOI: 10.51216/2687-072X_2026_2_14–50. EDN: SFCXRD // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2026. № 2 (35). С. 14–50.

Аннотация

Мировоззрение человека советской эпохи – не в пропагандистском, а в подлинном смысле этого слова – может быть названо вертикально ориентированным, в противоположность современным, горизонтальным либерально-демократическим (в социально-политическом аспекте) и постмодернистским (в философском измерении) представлениям о мире и человеческом бытии. Вертикаль предполагает определённую высоту идеала, на пути к которому объекты, явления, события, поступки и мысли оцениваются в системе координат «ниже-выше», «хуже-лучше», в то время

как горизонталь исключает какое-либо движение вверх, оценивая все в парадигме – «такое-иное (другое)-одинаково приемлемое», если только оно не противоречит принятому и действующему в общественной жизни законодательству. Также вертикальным является и христианское православное мировоззрение, насильственно вытесненное в истории российского общества после революции 1917–1921 гг.

Марксистский материализм и христианский теизм являются, кажется, непримиримыми мировоззренческими противоположностями, которые, однако, сближает вертикальная направленность первого и второго, представляющая собой одновременно парадокс и трагедию советского атеизма. Противопоставленность этих двух вертикалей и их постоянная идейная «переключка» находят свое выражение в различных произведениях советской художественной культуры.

Одним из проявлений взаимодействия и пересечения двух несовместимых вертикалей является необыкновенное и удивительное их согласие в вечной теме любви между полами, поиска человеком «своей второй половины», брачного союза и семейной жизни. В данном случае смысловые векторы советского коммунизма и православного христианства оказываются парадоксально однонаправленными и вместе противостоят современным «прогрессивным» либерально-демократическим, толерантно-релятивистским, гендерно-нейтральным представлениям о взаимоотношении полов.

Ключевые слова: основной вопрос философии; атеизм; теизм; Православие; плотская любовь; христианский брак; религиозное мышление; секулярное сознание.

Финансирование: данное исследование не получало внешнего финансирования.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Введение

Актуальность темы определяется преобладанием секулярной мировоззренческой ориентации среднестатистического современного человека, несмотря на то, что живет он в условиях постсекулярного времени. Такого рода обстоятельство объясняется, с одной стороны, наследием ушедшей в прошлое секулярной эпохи. С другой стороны, это проявление непрекращающейся духовной брани,

сопровождающей как историю всего человечества, так и жизнь каждого человека. Примечательно, что и первое, и второе вместе работают на сохранение религиозной непросвещенности, неведения, забвения и *окаменённого нечувствия*, которые не только умаляют шанс человека на *жизнь будущего века*, но делают его имманентную повседневную жизнь вполне неблагоприятной. Поэтому задача православного народного образования и просвещения представляется в настоящее время не менее, а, возможно, даже и намного более важной, нужной и актуальной, чем ранее.

Объектом исследования являются две несовместимые, но в то же время парадоксально перекликающиеся мировоззренческие вертикали – советского коммунизма и атеизма, с одной стороны, и православного христианства, с другой стороны, а предметом исследования – рефлексия вечной темы любви между полами, поиска человеком «своей второй половины», брачного союза и семейной жизни в каждой из них.

Методами исследования являются эмпирическое наблюдение, определение объемных отношений между понятиями, логические операции определения содержания и деления объема понятия, мысленный эксперимент, индуктивное обобщение, условно-категорические умозаключения отрицающего модуса, кросс-культурный анализ и умозаключения по аналогии.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что автором предпринята попытка с различных сторон обосновать положение о том, что марксистский материализм и христианский теизм сближает вертикальная направленность первого и второго, которая представляет собой одновременно *парадокс и трагедию* советского атеизма, что особенно отчетливо и ярко проявляется в основных идейных установках и оценках коммунистическим атеизмом и православным мировоззрением всегда открытой темы личных отношений, любви и жизненного союза мужчины и женщины.

Теоретическое и практическое значение работы заключается в том, что ее основные выводы и результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по проблематике заявленной темы, в теории и практике преподавания философии и иных социогуманитарных курсов в современном высшем учебном заведении, а также в различных интеллектуально-речевых мероприятиях различного формата по православному народному просвещению и воспитанию.

1. Устарел ли «основной вопрос философии»?

Многовековое противостояние материализма и идеализма как принципиальных мировоззренческих решений основного вопроса философии достаточно часто воспринимается в виде псевдофилософской проблемы, марксистского идеологического штампа и пережитка советской эпохи; или же как минимум считается, что основной вопрос философии в настоящее время, скорее всего, устарел [Васильев, 2008; Меньчиков, 2010; Мамедова, 2020; Никонов, 2005].

1. Автор предлагает проблематизировать такого рода утверждение, выдвигая в качестве основания и аргумента следующее условно-категорическое умозаключение отрицающего модуса (*modus tollens*), формализацией которого является тождественно-истинная формула, указывающая на строгое логическое следование и достоверность вывода при истинности посылок $((p \rightarrow s) \wedge \neg s) \rightarrow \neg p$ ¹: если основной вопрос философии безнадежно устарел, тогда столь же многовековая дискуссия между теизмом и атеизмом, креационизмом и эволюционизмом, телеологизмом и эмерджентизмом, антисциентизмом и сциентизмом, провиденциализмом и антроповолунтаризмом, спиритуализмом и физикализмом, психофизическая проблематика и проблема природы субстанции, а шире – бытия, – всё это так же устарело, потеряло свой философский статус и эвристический потенциал. Очевидно, указанная проблематика со временем не только не устаревает, но и, напротив, становится всё более актуальной, а дискуссия между данными мировоззренческими установками и лагерями разворачивается с новой силой на нынешнем, постсекулярном этапе развития современного российского общества; из чего, в силу логической необходимости, следует то, что основной вопрос философии и онтологическую проблему первичности никак нельзя рассматривать в качестве чего-то идейно устаревшего [Гусев, 2020].

В настоящее время можно встретить утверждение о том, что онтологическая и метафизическая составляющие философии «устарели», «стали неактуальными», «уже преодолены». Также иногда

---

¹ p – это основание (условие), s – это следствие из данного основания (условия), рассуждение идет от отрицания следствия к отрицанию основания; формула читается так: если p , то s ; и не s , следовательно, не p .

утверждается, что понятие материи более не входит в круг философской рефлексии, так что в настоящее время вряд ли найдётся серьёзный учёный или философ, «который бы работал с таким понятием» [Никонов, 2005, с. 142]. Такого рода утверждения являются справедливыми только в позитивистско-сциентистской традиции. Однако данная традиция, во-первых, разделяется далеко не всеми представителями философского сообщества, а во-вторых, сама, с точки зрения их оппонентов, лишена философского статуса как такового. Обоснованием последнего тезиса является то обстоятельство, что философия не перестала быть любовью к мудрости, стремлением к истине и попыткой «во всём дойти до самой сути». Кроме того, не является общепризнанным позитивистское и сциентистское утверждение о том, что философия «стала теперь» методологией социально-гуманитарного познания, компаративистским анализом, работой с текстами, узконаправленной и специфической герменевтикой и т.д., или – «наукой».

Возможно, что у читателей появится намерение упрекнуть автора в схематизме, когда он берется утверждать, что материалистическое решение основного вопроса философии является началом мировоззренческой цепочки, продолжающейся атеизмом, эволюционизмом, синергетизмом (эмерджентизмом), физикализмом (в решении психофизической проблемы), сциентизмом, интернализмом, детерминизмом, редукционизмом, антроповолонтаризмом («всё в наших руках» – «да будет воля моя»), революционным героизмом и позитивизмом вкупе с апатеизмом (разновидностью атеизма) как безразличием к метафизической проблематике. Зададимся вопросом, возможно ли, чтобы представитель материализма не был атеистом или придерживался креационистских воззрений, или утверждал бы о субстанциональности и бессмертии души, или не разделял бы утверждений о том, что наука действительно познаёт реальность, увеличивает человеческие возможности, в результате чего «знание – это сила», «человек – звучит гордо», «каждый – кузнец своего счастья» и наша задача – не «объяснять» мир, а «менять» его?

Точно так же с философского идеализма (понятого в его объективном, а не субъективном характере и форме) начинается мировоззренческая цепочка в виде теизма, креационизма, телеологизма, спиритуализма (в решении психофизической проблемы), анти-

сциентизма, экстернализма, индетерминизма, антиредукционизма, провиденциализма («Господи, да будет воля Твоя, а не моя»), религиозного подвижничества и антипозитивизма как попытки пробуждения от, возможно, комфортного, но опасного метафизического сна, в котором пребывает позитивистское и сциентистское сознание. Вероятные в данном случае недоумение и вопрос читателя о возможном схематизме разрешаются таким же образом, как и в первом случае, – с материалистически ориентированной системой философских векторов: может ли представитель теизма и креационизма стоять на эволюционных и эмерджентционистских позициях, или не разделять телеологических идей, или отрицать бессмертие души, или придерживаться антроповолонтаристических установок, или полагать научный метод способным в будущем исчерпать реальность и решить все проблемы человечества (вплоть до трансгуманистического «бессмертия» с его «переписыванием» личности на внебиологические «носители»)?

Единственное уточнение в данном случае следует сделать об обязательной содержательной связи философского идеализма с теизмом и креационизмом, а не, например, с пантеизмом. Зададимся вопросом: может ли идеальное, разумное, целеполагающее начало, являющееся первообразным по отношению к материальной действительности, производной от него, быть безличным? На этот вопрос, в силу самой логики вещей, придётся, по всей видимости, ответить отрицательно, т.к. достаточно сложно поспорить с тем, что креационизм, являющийся обязательным идейным спутником теизма, – «это наиболее последовательный в анализируемом отношении вариант объективного идеализма» [Грачев, Михайлов, 2018, с. 96].

Материализм и идеализм вместе со своими идейными спутниками образуют два противостоящих друг другу мировоззренческих лагеря или даже – две системы жизненной навигации человека, т.к. прямо или косвенно, более или менее сознательно, явно или неявно каждый из нас придерживается одного из двух указанных полюсов. Относительно возражения о том, что реальная палитра философских, мировоззренческих, а значит, и смысложизненных поисков человека является необыкновенно пёстрой, разнообразной, богатой и не сводится к указанной автором дихотомии материализма и идеализма как вариантам решения «пресловутого» основного вопроса философии, отметим, что вся эта пестрота так

или иначе сводится, как ни удивительно это прозвучит на первый взгляд, к данным двум позициям. Согласно логическому определению дихотомического деления, оно является всегда правильным, и любая классификация, построенная на нём, безошибочна, т.к., во-первых, её множества не пересекаются, что требуется одним из правил деления, а во-вторых, она *исчерпывает* собой так называемый *универсальный класс*, или множество всех множеств, представляющее собой некий предел, или максимум – как бытия, так и мышления.

Поспорим ли мы с тем, что *все* натуральные числа делятся на чётные и нечётные, *все* химические элементы делятся на металлы и неметаллы, *все* животные бывают хищниками и не хищниками и т.п. и т.д.? На вопрос, при чём здесь натуральные числа, химические элементы и животные, скажем, что вполне не исключено такое положение дел, устройство мира или фундаментальное свойство действительности, при котором дихотомия (контрадикторность, противоречие) является универсальным атрибутом реальности, в силу чего находит свое отражение и выражение в самых различных областях и эпизодах интеллектуально-речевой практики. Возможно ли не согласиться с тем, что или нет смысла отвечать на метафизические вопросы (позитивизм), или такой смысл есть (антипозитивизм); преобразование человека возможно на основе внешнего подвига (революционный героизм) или же – на основе подвига не внешнего, но внутреннего (религиозное подвижничество); «всё в наших руках» (антроповолонтаризм) или не всё в наших руках (провиденциализм); сложное сводится к простому для его объяснения (редукционизм) или не сводится к нему (антиредукционизм); всё предопределено естественным образом и всеобщей причинно-следственной связью (детерминизм) или не предопределено (индетерминизм); возможности науки безграничны (сциентизм) или не безграничны (антисциентизм); мир является результатом эмерджентной эволюции и самоорганизации (эволюционизм и синергетизм) или не является ей, будучи, в силу своей высшей целесообразности, разумным созданием (креационизм и телеологизм); бессмертной человеческой души не существует, она всего лишь функция тела (физикализм), или же, напротив, бессмертная душа существует, а тело – всего лишь её инструмент, с помощью которого она творит свою земную жизнь (спиритуализм);

после завершения земной жизни человека ждёт небытие или же – бытие, т.к., вспоминая Парменида, «бытие есть, небытия же нет»; наконец, либо трансцендентный мир в его личностном измерении и понимании не существует (атеизм), либо он существует (теизм); а также, следовательно, первоначало всего существующего является материальным (материализм) или – нематериальным (идеализм)?

Относительно возражения, согласно которому, варианты ответа на основной вопрос философии представлены не *дилеммой*, а *тетралеммой* – материализм, идеализм, дуализм, философия тождества (пантеизм), – обратим внимание на то, что и дуализм, и пантеизм являются, каждый, тяготеющими или к материалистической своей версии, или к идеалистической, в зависимости от конкретного мыслителя и учения, их представляющего. Так получается в силу того, что, в случае с дуализмом, над двумя субстанциями возвышается некое превосходящее их начало, природа которого не может не быть сама либо материальной, либо нематериальной (идеальной); а в случае с философией тождества, или пантеизмом, два положения: *сознание – инобытие материи*, и *материя – инобытие сознания*, при внешнем совпадении, совсем не равнозначны, т.к. в первом неявно присутствует утверждение о приоритете (первичности) материального начала, а во втором – идеального [Гусев, Потатуров, Суслов, 2021].

2. Основной вопрос человеческого бытия

Таким образом, дихотомичность, или противоречивость, двух рассматриваемых мировоззренческих позиций и двух систем жизненной навигации человека обуславливает то, что отношения между ними находятся в ведении логического *закона исключённого третьего*, в силу которого истинность одного из двух утверждений с необходимостью означает ложность другого, и наоборот, в результате чего первое и второе не могут быть одновременно истинными, но и не могут быть одновременно ложными, в отличие, например, от ситуации противоположности (контрарности), описывающей совершенно иное логическое отношение, нежели обсуждаемую в нашем случае ситуацию противоречия (контрадикторности).

Мы говорили, что первая мировоззренческая цепочка в ответе на основной вопрос философии начинается с материализма и продолжается далее атеизмом, а вторая – с идеализма и продолжается теизмом, хотя правильнее было бы поменять местами первое и второе звено, утверждая, что первая начинается с атеизма, а вторая – с теизма, одна – со светской, или внерелигиозной парадигмы, другая – с религиозной. Здесь сделаем примечание о том, что под религией, как явствует из предыдущего изложения, будем подразумевать теизм, а под теизмом христианство в его исторически первой и аутентичной форме – Православии. Отвечая на вопрос, почему возможно утверждать, что для представителя первого мировоззренческого лагеря более важен атеизм, а не материализм, а для второго – теизм, а не идеализм, поставим мысленный эксперимент: спросим представителя материализма, атеизма и, следовательно, эволюционизма, согласится ли он с тезисом, согласно которому *Бог создал мир, способный к эволюции*, или что все принципы, параметры, законы и механизмы самоорганизации материальных объектов и эмерджентных событий являются результатом Божественного творения? Скорее всего, не согласится. Почему, ведь в данном случае все эволюционные понятия и идеи признаются, сохраняются, являются действительными и актуально действующими? Потому что для него, получается, важен не только и не столько эволюционизм как таковой, а стоящий за ним, вернее, предворяющий и обуславливающий его атеизм. Именно страстное желание, как бы это непривычно и удивительно ни прозвучало, чтобы сверхъестественного мира в его личностном понимании и измерении не существовало, движет в этом случае сторонником эволюционизма. Однако почему он так желает этого и на том настаивает, строя свою картину мира именно на таком утверждении? По всей видимости, это продиктовано также непреодолимым желанием отсутствия над ним какой-либо онтологически превосходящей его инстанции, которая ограничивала бы его жажду «по своей глупой воле пожить»², в чём совершенно недвусмысленно проявляет себя и находит своё отчётливое выражение антропоцентрический волюнтаризм, или антроповолунтаризм, для которого – или «под который» – и выстраивается вся мировоз-

---

² Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений : в 30 т. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1973. Т. 5. С. 113.

зренческая конструкция в виде атеизма, материализма, эволюционизма и последующих их идейных спутников.

Получается, что основной вопрос философии об *отношении бытия и мышления*³, или проблема первичности, – это, по сути, не столько вопрос о природе субстанции или о первоначале всего существующего, сколько вопрос о существовании или не существовании трансцендентного мира в личностном его понимании – Личного Бога, Божественного творения мира и человека, бессмертия человеческой души и вечной жизни, бытия или небытия, ожидающего каждого после земной его жизни; а дискуссия между материалистами и идеалистами – это проявление на философском уровне более глобального и в высшей степени *не отвлечённого* спора между безбожниками, с одной стороны, и стремящимися быть с Богом, с другой стороны, а также, следовательно, между двумя противостоящими жизненными стратегиями человека – «да будет воля моя» и «да будет воля Твоя». В такой интерпретации и постановке основной вопрос философии является, без преувеличения, *основным вопросом всего*, как бы странно на первый взгляд ни прозвучало такое утверждение.

Предвидя возможный вопрос о появлении в научной статье теологического дискурса, отметим, что нет никакой возможности ни подтвердить, ни опровергнуть ни атеистическую, ни теистическую картину мира, в силу чего сближение научного и атеистического или светского (являющегося неявно, или бездекларативно, атеистическим) мышления следует признать неправомерным, ошибочным и обусловленным, по всей видимости, идейным наследием ушедшей в прошлое секулярной эпохи [Гусев, 2024, с. 17–18]. Одной из характеристик нынешней интеллектуальной ситуации является постсекуляризм, находящий своё выражение в определённой мировоззренческой симметрии между эвристическими возможностями и философским статусом безрелигиозной и религиозной парадигмы, в силу чего, например, теология не так давно приобрела статус научной дисциплины, вопреки всем возмущённым возражениям представителей атеистического и материалистического лагеря.

Пусть не покажется читателю странным утверждение о том, что попытки решения проблемы научного статуса теологии невозможны

---

³ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Москва : Издательство политической литературы, 1989. С. 31.

вне контекста дискуссии, заданной всё тем же основным вопросом философии. По наиболее общему определению, наука – это область человеческой деятельности или форма общественного сознания, направленная на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний о действительности. Здесь сразу возникает вопрос – а что такое действительность? Это то, что доступно нам в чувственном опыте? Или нечто гораздо более широкое, выходящее за границы этого опыта? Для атеистического сознания действительность – это окружающий нас физический, или имманентный, мир, кроме которого никакого другого мира не существует; а трансцендентный мир – это порождение человеческого сознания. Если наука имеет дело с действительностью, а трансцендентный мир действительностью не является, то тогда теология – это не наука (её могут рассматривать как изучение продукта человеческой деятельности, мышления), но (!), получается, только с точки зрения материализма и атеизма. Для религиозного сознания трансцендентный мир – это не просто действительность, а первая, несомненная и вечная реальность, производной от которой является физический, или имманентный, мир, представляющий собой *действительность второго порядка*. В этом случае теология, вне всяких сомнений, – наука, причём естествознание, например, как образец всякого научного знания, будет здесь не чем иным, как *естественной теологией*. Такого рода утверждение будет лежать в системе идейных координат идеализма и теизма. Поэтому ответ на вопрос, является ли теология наукой, будет в любом случае зависеть от ответа на вопрос о первоначале сущего или об онтологическом статусе идеального, противостоящего материальному, о реальном существовании или не существовании личностно понимаемого трансцендентного мира.

3. Две вертикали

Понятно, что между смысловыми полюсами атеизма и материализма, с одной стороны, и теизма и идеализма – с другой, пролегает непреодолимая мировоззренческая пропасть. В то время как марксистское философское учение, ставшее основой мировоззрения человека советской эпохи, несомненно, лежит в идейной плоскости атеизма и материализма, православное понимание бытия и человеческой жизни, бывшее фундаментом духовной жизни рос-

сийской цивилизации на протяжении многих веков и насильственно вытесненное в истории России в процессе и результате революции 1917–1921 гг., находится в русле теизма и идеализма. Вопрос о том, возможно ли найти что-то общее или объединяющее, сближающее, примиряющее атеистическое коммунистическое учение и теистическое православное миропонимание, кажется, на первый взгляд, бессмысленным, т.к. первое и второе представляют собой непримиримые, взаимоисключающие, антагонистические мировоззренческие позиции. И это действительно так. Однако, в данном случае, присутствует одно «но», которое является обуславливающим проблематику нашей статьи или представляющим собой, как говорят, *объект исследования*. Это «но» не что иное как *вертикальная мировоззренческая ориентированность* и советского атеизма, и православного христианства, которая представляет собой одновременно *парадокс и трагедию* первого [Суслов, Гусев, 2023].

Марксистская философия, как известно, наследует немецкой классической философии, а именно учениям Г. Гегеля и Л. Фейербаха. Сама же немецкая классическая философия – проявление, выражение, воплощение и, в историческом аспекте, завершение классической философии, которая берет свое начало еще в Древней Греции. При всем многообразии и интеллектуальной пестроте неклассической философии, наверное, возможно выделить, среди прочих, одно существенное и принципиальное ее отличие от классической философской традиции. Если исходить из того, что в центре внимания классической философии – поиск истины (в корреспондентском, а не конвенциональном, когерентном, прагматическом или экзистенциальном ее понимании), а неклассическая – акцентирует свое внимание на информации и коммуникации; для первой характерны попытки проникновения в тайны бытия и реального познания мира, а для второй, вместо этого, построение альтернативных и конкурирующих интерпретаций сущего; первая в большей степени онтологична, а вторая – даже не гносеологична, а эпистемологична; первая представляет собой метафизическую устремленность, а вторая, по преимуществу, антиметафизическую; первая стремится к объектности и объективности, а вторая саму объективность представляет как рефлексию субъективности; то, принимая в расчет все эти различия, можно выдвинуть утверждение, согласно которому классическая философия представляет

собой более вертикально ориентированную эвристическую модель, а неклассическая – горизонтально ориентированную систему смысловых и ценностных координат.

Позиции, или точки, лежащие на вертикальной прямой, находятся, каждая, *выше* или *ниже* любой другой, в силу чего появляется возможность говорить об истинности или ложности позиций, их приемлемости или неприемлемости, большем или меньшем совершенстве, появляется возможность их оценки с точки зрения того, «что такое хорошо и что такое плохо» и т. д., а точки, лежащие на горизонтальной линии, каждая, не выше-ниже любой другой, а всего лишь – в *иной* или *другой* от неё стороне, которая является для нее принципиально равновеликой, равноправной, альтернативной, – не менее и не более истинной, совершенной, правильной, в силу чего оценка с точки зрения хорошего и дурного становится невозможной. Поэтому неудивительно, что именно горизонтальная ориентация, в целом характерная для неклассической философии, позволяет говорить о ней, как о некоей общей теоретической основе многих современных политических, социальных, культурных реалий, понятий, идей, интенций, среди которых демократия (как замаскированная олигархия), либерализм (понятый как капитализм, а не как либертаризм), плюрализм, гласность, толерантность, мультикультурализм, права человека (как проявление общего релятивизма в духе древней софистической максимы о «человеке как мере всех вещей») и постмодернизм как отрицание монополии на истину, или утверждение единственной истины, по которой не может быть никакой истины.

Не только немецкая классическая философия, но и, особенно, наследующий ей марксизм, как основа мировоззрения советского человека, представляет собой совершенно определенную вертикаль, которая выражается в гордом, дерзком и самонадеянном построении человеком грандиозной «вавилонской башни» всеобщего будущего процветания и благоденствия:

«Видите, *скушно* звезд небу!

Без него наши песни вьем.

Эй, Большая Медведица! Требуй,

Чтоб на небо нас взяли живьем»⁴.

---

⁴ Маяковский В. В. Наш марш («Бейте в площади бунтов топот!..») // Полное собра-

Однако православное христианство как мировосприятие человека и как мировоззренческое учение, вне сомнения, в философском смысле, находится «по одну сторону баррикад» с классической, а не неклассической философией, представляя собой также вертикаль наших ценностей, смыслов, ожиданий, надежд, стремлений, целей и задач. Только эта вертикаль совершенно другого рода и полностью иной природы. Здесь, в отличие от вавилонской башни до Неба, тщетно возводимой людьми, по неразумию мнящими себя *вершиной эволюции*, с Неба спускается к несчастному и погибающему человеку *благодатная лествица*, по которой нисходит к нему Бессмертный Бог, чтобы спасти своего неразумного ребенка от печалей и несчастий, напастей и страстей, заблуждений и безумий, искушений и грехов, восстановить поврежденную человеческую природу в ее совершенном от сотворения виде, вернуть ему утраченное по собственной его воле совершенство и бессмертие и помочь «блудному сыну» вернуться в Отчий дом, на Небесную Родину; иначе – достичь такого состояния, малейшая часть которого представляется материалистическому, атеистическому и сциентистскому сознанию бесконечным и недостижимым пределом устремлений и чаяний «могущественной» современной науки со всеми ее возможностями, поражающими ныне наше естественное воображение [Гусев, 2018, с. 67].

Две вертикали – вавилонская башня советского коммунизма и благодатная лествица православного христианства – являются несопоставимыми и несовместимыми, представляя собой различные миры, которые, кажется, принципиально исключают друг друга. Однако именно вертикальная ориентированность первого и второго, противопоставленная, например, либерально-демократической горизонтали, удивительным образом сближает их. *Парадокс* советского атеизма заключается в этой совместимости несовместимого – две несопоставимые вертикали сопоставимы именно своей вертикальностью, а его *трагедия* состоит в его постоянном *самотрицании*: вся советская философия, идеология, культура, сама жизнь советского человека, будучи на первый взгляд совершенно безрелигиозной, неявно пронизана религиозными христианскими интуициями. Вообще ни одно произведение советской худо-

жественной культуры не является *de facto* светским, хотя *de jure* именно только таким оно и является. Примеров, подтверждающих данный тезис, можно привести, без преувеличения, великое множество. Обратимся к нескольким из них – безо всякой систематизации, но исключительно с целью иллюстрации.

4. Христианские интуиции в произведениях советской художественной культуры

В процитированных выше строчках советского поэта и певца коммунизма лирический герой требует «на небо нас взять живьем», что в координатах материалистического, атеистического, эволюционного и сциентистского сознания выглядит достаточно странно, т.к., согласно атеизму, мы должны отправиться как раз не *на небо*, а *под землю*, и точно не *живьем*. Можно возразить, что перед нами всего лишь метафора, однако такая, в которой отчетливо прослеживается совсем не секулярная интенция.

Вспомним знаменитый рассказ советского писателя В. Распутина «Уроки французского» (1973 г.). О чем этот рассказ по своей сути? Как это ни удивительно, о деятельной и милосердной, или евангельской, любви к ближнему, не боящейся потерь и лишений для ее носителя, хотя внешне это произведение не имеет ни единого намека на какую-либо религиозную идею или сюжет.

В Евангелии от Матфея Господь Иисус Христос говорит, что в конце времен праведники услышат от Царя Небесного: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; Был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «...истинно говорю вам: так-как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 35–40).

В рассказе В. Распутина молодая школьная учительница Лидия Михайловна, узнав, что ее одиннадцатилетний ученик, страдающий малокровием, играет на деньги, чтобы купить себе кружку мо-

лока, приглашает его, будто бы для индивидуальных уроков, к себе домой и пытается угостить, накормить, окружить заботой и вниманием, но тот по застенчивости и ложной гордости не принимает ее помощь. Тогда она играет с ним на деньги, чтобы он «честно выиграл», о чем узнает директор школы, который, ничего не поняв и ни в чем не разобравшись, обвиняет ее в «моральном преступлении», после чего она вынуждена уволиться с работы. Вполне возможно также поведение директора интерпретировать здесь в качестве законнического, а действия учительницы – как благодатные, т.е. рассказ В. Распутина не только о милосердии, самопожертвовании и деятельной любви к ближнему, но и об отношениях закона и благодати. Хотел ли об этом сказать сам писатель, имел ли он в виду такие идеи и сюжеты? Скорее всего, нет. А как тогда получилось, что безрелигиозное, кажется, произведение явилось в действительности религиозным? Мастер талантливо, глубоко, правдиво и с необыкновенной художественной силой изобразил саму человеческую жизнь (рассказ является, по сути, автобиографическим, повествование ведется от первого лица – того самого одиннадцатилетнего мальчика). А эта жизнь, несмотря на все материалистические и атеистические конструкции, будучи на первый взгляд совершенно имманентной и земной, пронизана трансцендентным и небесным, существует в нем и через него, что является косвенным доказательством *онтологического*, а не *культурно-исторического* статуса евангельских событий и идей.

4.1. «Все на свете было не зря»

Обратимся к совершенно иному примеру – знаменитой фантастической комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.), снятой по мотивам пьесы М. Булгакова «Иван Васильевич» (1934–1936 гг.). Вспомним песню «Разговор со счастьем», созданную композитором А. Зацепиным и поэтом Л. Дербеневым для этого фильма, музыка которой стала саундтреком к нему. В этом незамысловатом эстрадном, легком и даже, кажется, шутивым произведении присутствует достаточно глубокая идея, содержание которой никак не может быть связано со светским миром и секулярным сознанием. Обратим внимание на следующие строки:

«Мерз я где-то, плыл за моря,
Знаю, это было не зря!
Все на свете было не зря,
Не напрасно было.

<...>

Тот, кто ждет, все снесет,
Как бы жизнь ни была.
Лишь бы все, это все
Не напрасно было»⁵.

Не логично было бы утверждать, что если *всё на свете было не зря, не напрасно было*, то следует не просто предположить, а признать существование сверхъестественного мира, помимо мира естественного, который, понятый в его личностной природе, является основой и гарантом ненапрасности и небесмысленности всего происходящего в жизни природы, человека и общества? Если же придерживаться точки зрения последовательного материализма и атеизма, утверждающих полный, безвозвратный и безнадежный конец любой человеческой жизни и в будущем всего человечества, которое, согласно эволюционной теории, должно, как и любой биологический вид, когда-то исчезнуть, а далее – и Солнечной системы, и даже Вселенной, которая, согласно космологическим прогнозам, некогда «схлопнется» в гравитационном коллапсе, то тогда как раз, в силу логической необходимости, надо утверждать, что все было зря и напрасно, ни бытие космоса, ни история цивилизации и культуры, ни человеческая жизнь не имеет никакого смысла, ведь в таком случае она – «пустая и глупая шутка»⁶.

4.2. «Все, что ни делается, все – к лучшему»

Знаменитое, привычное, разделяемое, часто вспоминаемое и повторяемое представителями светского сознания утверждение «все, что ни делается, все – к лучшему» – родом из религиозного миропо-

---

⁵ Разговор со счастьем // Genius : сайт. URL: <https://genius.com/The-hatters-conversation-with-happiness-lyrics> (дата обращения: 19.04.2026).

⁶ Лермонтов М. Ю. И скучно, и грустно // Полное собрание стихотворений : в 2 т. Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. Т. 2 : Стихотворения и поэмы, 1837–1841. С. 41.

нимания. Оно является прямым указанием на телеологизм и провиденциализм и никак не может быть проинтерпретировано в духе эмерджентизма и антроповолюнтаризма. Согласно одной из версий, это положение является парафразом изречения немецкого философа Г. Лейбница из его трактата «Опыты теодицеи о благодати Бога, свободе человека и первопричине зла» (1710 г.). Однако возможно предположить, что данное утверждение вошло в широкий обиход не окольным – философским – путем, а напрямую – из христианского учения, – будучи отражением и выражением, без преувеличения, великой идеи, дающей необыкновенное утешение и вселяющей бесконечную надежду, согласно которой все, происходящее с каждым из нас, есть *наилучшее устройство*, которое непостижимо творится Милостивым Богом, Небесным Отцом, для этого конкретного человека – в данном месте, времени, ситуации и обстоятельствах его жизни, из чего рождается прославление Бога и благодарение Ему за все – *за скорбь и за радость*.

Светское сознание обычно задается вопросом: как можно говорить о наилучшем Божественном устройении для каждого человека, если мы видим человеческие печали, скорби, несчастья, бедствия, горести? Ответом здесь будет совершенно когерентное положение, по которому происходящее с нами может казаться нам несчастным и бедственным только потому, что нам не известна вся картина мироздания и нашей жизни во всей полноте и бесконечном объеме, где все изначально присутствует и полностью исчерпано, во всем сложнейшем всеобщем взаимодействии в прошлом, настоящем и будущем (лапласовские «координаты и импульсы всех частиц во Вселенной», предполагающие научный прогноз будущего, будут здесь ничтожнейшей частью того знания, о котором идет речь). На это наше неведение, наверное, и указывают слова Господа Бога из Книги Иова: «Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?» (Иов. 38, 4–7).

Кроме того, следует отметить, что теистический телеологизм, имеющий личностный характер, будет совершенно несопоставимым с безличностным телеологизмом, например, гегелевского панлогизма, представленного как «хитрость мирового разума», когда

конкретному человеку ничего не остается, кроме как смириться с тем, что он будет поленом, брошенным, как вариант, в топку мировой революции или еще какого-нибудь в высшей степени целесообразно необходимого всеобщего процесса. Величие провиденциального христианского гуманизма, бесконечно превосходящего все виды и формы гуманизма светского, заключается в том, что человек смиряется не с ролью бревна или камня, используемого для осуществления абстрактного универсального будущего устройства, а с ролью больного пациента, которого Господь Бог – не строгий каратель, а Мудрый и Добрый Врач – будет лечить (а лечение тяжелой болезни не может происходить без страданий) до полного его выздоровления. Именно поэтому все происходящее с нами, даже кажущееся нам, по нашему неведению, невозможным, несправедливым, несчастным и т.д., есть не что иное, как наше излечение, исцеление, врачевание или, соответственно, наилучшее устройство для каждого в каждой конкретной ситуации его жизни.

4.3. «Никто не забыт, и ничто не забыто»

Возвращаясь к идее о том, что *«все на свете было не зря, не напрасно было»*, отметим, что она тесно связана с утверждением, кажется, из совершенно иной области ментального пространства советской жизни, представленным знаменитыми военными строками советских поэтов О. Ф. Берггольц и М. А. Дудина: «Никто не забыт, и ничто не забыто». Трудно оспорить необходимость логической связи между ненапрасностью и бессмысленностью всего происходящего с человеком и обществом, с одной стороны, и тем, чтобы никто не был и ничто не было забыто – с другой; причем речь идет не о *культурно-историческом*, а об *онтологическом* забвении или незабвении. Культурно-историческая память в объектном, или онтологическом, своем статусе виртуальна и в конечном итоге обращивается все же забвением. Поэтому подлинное незабвение возможно только при онтологическом сохранении всех *файлов-мгновений* как каждой человеческой жизни, так и истории человечества. Однако такое сохранение возможно только в случае существования трансцендентного мира – Бога, бессмертной души, вечной жизни; только в Боге и через Него для человека нет ушедшего прошлого, а есть только *всегда-актуальное-настоящее*, когда он не в пере-

носом, а в буквальном смысле может надеяться на то, что *«всегда будет мама, и всегда буду я»*⁷. В случае атеистической картины мира никакой надежды ни на что у меня быть не может. Как видим, слова из советской, а значит, по умолчанию, коммунистической, материалистической и атеистической музыкальной композиции А. Островского на слова Л. Ошанина «Пусть всегда будет солнце» (1962 г.) представляют собой, как то ни удивительно, именно *религиозный текст*, ведь только бытие Божие как первая, вечная и бесконечно благая действительность позволяет нам не только радостно надеяться, но и твердо знать, что *смерти не будет, и у Бога все живы*; и именно поэтому *всегда будет мама, и всегда буду я, и все мы всегда будем*.

На вопрос о том, каким образом у представителей советской художественной культуры получалось неявно и, скорее всего, даже неосознанно и незаметно для себя создавать *de jure* вполне секулярные и светские, а *de facto* проникнутые религиозными интуициями произведения, можно ответить словами Тертуллиана о том, что *душа человеческая по природе своей – христианка* и поэтому не может не думать о своей Небесной Родине, не тосковать по Отчужденному Дому и не стремиться, так или иначе, вернуться к своему Небесному Отцу.

5. Формула любви в советском атеизме и в православном христианстве

Две *несопоставимо сопоставимые* вертикали – советского коммунизма и православного христианства – поразительным образом пересекаются в вечной теме любви между мужчиной и женщиной, отношений между полами, брачного союза и семейной жизни. Неизбывный и метафизический вопрос, что такое любовь (имеется в виду любовь между представителями полов), не оставляет равнодушным на протяжении веков ни одного человека, поднимается как в рамках светского, так и религиозного сознания, является одним из неустаревающих объектов осмысления в различных формах общественного сознания – науке, религии, искусстве, философии.

В теме любви всегда существовала и упорно существует, хотя

---

⁷ Пусть всегда будет солнце // Genius : сайт. URL: <https://genius.com/Tamara-miansarova-matabs-lyrics> (дата обращения: 19.04.2026).

и будучи вполне осознаваемой, одна фундаментальная логическая и смысловая подмена – часто под именем *любви* говорят о *страсти*, выдают ее за любовь, меняют любовь на страсть, и наоборот, хотя и представитель секулярного мировоззрения, и сторонник религиозного миропонимания определенно скажут, что любовь и страсть – это различные понятия, которые обозначают столь же далекие друг от друга реалии человеческой жизни. Тем не менее, например, и в мировой, и в русской художественной литературе (что примечательно, дореволюционной), как правило, совершается такого рода подмена: не просто как что-то само собой разумеющееся, а даже как должностное. К примеру, повсеместно считается, что знаменитое произведение И. А. Бунина сборник рассказов «Темные аллеи» (1937–1944 гг.) – это *рассказы о любви*. Однако изображенное писателем посвящено, по его словам, жестоким сторонам любви, или ее темным аллеям, поскольку последняя, как правило, сопряжена со смертью. Однако любовь как животворящее и жизнеутверждающее начало, по самому своему определению и природе, никак не может быть связана со смертью, с которой связано нечто, не имеющее к действительной любви никакого отношения, а именно страсть.

Отметим, что внерелигиозное и религиозное понимание страсти не сильно отличаются друг от друга. В религиозном мире страсть – это сила человеческой души, принявшая неправильное, искаженное, искривленное, ложное направление, уводящее человека от Бога, спасения и вечной жизни; а в повседневном, или мирском, существовании – это то, что наполняет человеческую жизнь беспокойством и тревогой, лишает его тишины и мира, делает уязвимым и незащищенным перед внешними напастями. Примерно то же самое будет сказано про страсть и в смысловых координатах светского сознания: страсть – это сильное, доминирующее над другими чувство человека, характеризующееся повышенным и болезненным, как правило, влечением к своему объекту; т.е. и здесь – это то, что отвлекает человека от всего остального, не дает ему сосредоточиться, например, не на желаемом, а на должном, мешает ему жить осмысленной жизнью.

Как видим, негативная роль страсти в имманентной жизни утверждается и верующими, и неверующими, а различие в ее понимании теми и другими заключается в том, что в религиозном сознании непреодоленные и непобежденные в земной жизни страсти

закрывают человеку путь в вечную жизнь, а в атеистическом сознании не идет речь о таком действии страстей, т.к. вечной жизни, с точки зрения атеизма, не существует, а каждого человека по завершении его земной жизни ждет *полный ноль небытия* (что, кстати, нелогично, т.к. в данном случае получается, что *бытие есть, и небытие тоже есть* – нарушаются логические законы противоречия и исключенного третьего).

Часто встречающееся в различных интеллектуальных контекстах сближение любви и страсти или даже подмена одного другим является одним из главных смысловых нервов знаменитой или даже скандальной повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» (1889–1891 гг.), которая вызвала огромный общественный резонанс и стала «одним из главных пунктов помешательства десятилетия» [Басинский, 2017, с. 33], и, можно смело сказать, не только десятилетия, а последующих времен, будучи сочинением, решительно выпадающим из круга произведений художественной литературы, посвященных теме любви. Необычность, неожиданность и скандальность повести заключается в категорическом выводе мыслителя о том, что близкие отношения, или плотская любовь между полами, причем, если даже мужчина и женщина состоят в законном браке, есть несомненное зло и не должны иметь место в жизни, если человек хочет жить на белом свете не по-свински, а по-человечески. В эпиграфе писатель цитирует слова из Евангелия от Матфея: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28), которые повторяются и усиливаются далее, в тексте повести, его главным героем Василием Позднышевым: «Слова Евангелия о том, что смотрящий на женщину с вожделением уже прелюбодействовал с нею, относятся не к одним чужим женам, а именно – и главное – к своей жене»⁸. Таким именно образом разрешает Л. Н. Толстой мучавший его вопрос о совместимости целомудрия как одной из главных добродетелей христианина и физических отношений между полами, независимо от того, состоят они в брачном союзе или нет.

Вывод главного героя произведения и его автора о разрушительности и недопустимости половой любви, независимо от ситуации

---

⁸ Толстой Л. Н. Крейцера соната // Собрание сочинений : 12 т. Москва : Правда, 1975. Т. 10. С. 204.

ее проявления, является слишком категорическим и заслуживает отдельного, не менее интересного исследования. Здесь же только отметим, что внебрачные близкие отношения между полами рассматриваются – и в советской коммунистической парадигме, и в православном христианстве – как нежелательные и даже недопустимые, в то время как брачные любовные отношения не осуждаются и вполне одобряются и в одном, и в другом мировоззренческом лагере, что, несомненно, выступает в роли сближающего их фактора, несмотря на их принципиальную несовместимость.

5.1. Любовь, страсть и *за-блуд-ившийся* человек

Возможно задаться вопросом – почему внебрачные отношения осуждаются, а вернее – негативно оцениваются и в одной, и в другой системе взглядов. Оценка религиозная вполне понятна и никогда не вызывает возражений, но та же установка внерелигиозного сознания советского человека вызывает удивление и вполне обоснованный вопрос, продиктованный не чем иным, как строгим логическим следованием, представленным крылатым выражением «Если Бога нет, то все позволено», представляющим собой краткое изложение взглядов Ивана Карамазова – одного из главных героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Автономия морали как основание противопоставляющегося утверждения не спасает положения и ничего здесь не дает, как бы «повисая в безвоздушном пространстве», т.к. перед полной пустотой надвигающегося на всех и на всё небытия обесцениваются и обесмысливаются не только все моральные и нравственные императивы, но и вообще все, что есть в природе, человеке, обществе, истории, культуре и т.д.; а само бытие, в которое все это включено и вписано, получается, не является бытием, но представляет собой только видимость, сон, наваждение, мираж, иллюзию. Если нет мира трансцендентного в личностном его проявлении и воплощении, в котором и через который существует все в естественном мире, – Бога, бессмертной души, вечной жизни, последнего Суда, воздаяния и *жизни будущего века*, тогда почему же что-то можно делать, а чего-то нельзя, в частности состоять во внебрачных, или блудных, отношениях? Этот вопрос усиливается тем обстоятельством, что если все же вписать в контекст безрелигиозного мира и мораль, и нравственность, то что меняет-

ся в плане внебрачных отношений, которые существуют здесь на *добровольной основе* и даже вроде бы «продиктованы, обоснованы и оправданы», пусть и ложно понятой, но любовью. А если даже никакой любви нет, то тогда все равно: *нет пострадавших, нет и преступления* – один из фундаментальных тезисов либерально-демократического мира.

Ответом на данный совершенно закономерный вопрос, и с точки зрения православного христианства, и с позиций советского коммунизма, будет утверждение о том, что пострадавший здесь – сам человек, который *добровольно* создал такие отношения («Не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно тоскует...»⁹). Для большей ясности обратимся к следующей аналогии: не одинаково ли ответит и верующий, и неверующий человек на вопрос о том, *почему*, например, нельзя засовывать пальцы в розетку, прыгать с пятого этажа, ходить босиком по битому стеклу, класть руку в пламя костра и т.д.? Ответ и первого, и второго будет одним и тем же: так делать не следует по той причине, что во всех этих случаях человек сильно пострадает, получит раны, травмы, увечья, повреждения. То же самое происходит и с религиозными заповедями, но не на физическом, а на духовном уровне: следование страстям сначала в мыслях, а потом в поступках приводит к греховным действиям, которые наносят человеку серьезные травмы и повреждения. Именно поэтому христианское учение о мире и человеке, по наиболее общему определению, представляет собой не *систему мрачных запретов*, как может думать секулярно настроенный человек в силу своей именно религиозной непросвещенности и безграмотности, а наоборот, *систему добрых предупреждений* – «не руби сук, на котором сидишь», не перерезай страховочный трос, на котором висишь над пропастью, не делай пробоины в лодке, на которой плывешь через океан. Вероятно, по этой причине религиозные заповеди не отрицаются коммунистической моралью, а, как ни странно, фактически включаются в нее.

Точно так же императив «не блуди», или «не находишься во внебрачных отношениях», направлен не к ограничению и подавлению человека, а к его благу и спасению: такого рода отношения губительны для него, как и, например, выпрыгивание из окна или засо-

---

⁹ Тютчев Ф. И. Наш век // Федор Иванович Тютчев : сайт. URL: <https://tutchev.lit-info.ru/tutchev/stihi/tom1/stih-112.htm> (дата обращения: 19.04.2026).

ывание пальцев в розетку. Почему? Близкие контакты вне брака приводят к тому, что человек становится заблудившимся в «темном лесу» или в «запутанном лабиринте» этих отношений, теряет время и силы, а в результате ничего не приобретает, никуда не движется, расходует свою жизнь впустую; хотя ему и кажется, в силу особенно изоциренного самообмана, что он получает некое «удовольствие», «свежие впечатления», «новые ощущения», «иной опыт», в действительности же – «буксует», или «бежит на месте», или «ходит кругами», как и тот, кто в буквальном смысле заблудился в лесу. С чисто физической точки зрения, когда заблудившемуся кажется, что он идет прямо, в одном направлении, он каждое мгновение на немного отклоняется от него, т.к. одна нога, по причине не полной симметрии тела, делает несколько больший шаг, чем другая. В результате кажущийся ему прямым путь постепенно и незаметно искривляется и превращается в замкнутый, человеку *кажется*, что он идет *куда-то*, на самом же деле он не идет *никуда*. В этом и заключается та злая шутка, которая совершается в блуждающем или *блудном* движении. Так же и незаконные отношения никуда не ведут и ничего не дают, кроме беспокойства, напряжения, тревоги, незащитности и уязвимости.

Вспомним известный советский фильм Г. Данелии «Осенний марафон» (1979 г.), жанр которого часто определяют в качестве «печальной комедии» или «грустной философской комедии». Этот фильм, как то ни удивительно, о том, как блуд заводит человека в тупик и заставляет его страдать. Главный герой, выстраивающий блудные отношения или пытающийся вести двойную жизнь, разрывается между женой и любовницей и тем самым «загоняет себя в угол». Немолодой уже человек, вступивший в раннюю «осень жизни», вместо подготовки к «собираанию камней» и «подведению итогов», бежит бессмысленный блудный «марафон» *в никуда* – по одному и тому же кругу, – хотя и хочет из него вырваться, но почему-то не может...

Обратим внимание: в российской социальной сети «ВКонтакте» при заполнении личного аккаунта в разделе «семейное положение» предлагаются, например, следующие варианты: «женат», «не женат», «замужем», «не замужем», «в активном поиске» и т.д. Среди этого присутствует еще и такой статус – «все сложно». Что это за формулировка? И что именно сложно? По всей видимости, данный

статус указывает как раз на *заблудившегося* человека, или на *блудные* отношения, т.е. безрадостные, непонятные, двусмысленные, болезненные, в которых он запутался, как в паутине, и не знает теперь, как из них выбраться, действительно, *все сложно*, как, например, у героя фильма «Осенний марафон».

Теперь ответим на вопрос о том, в каких отношениях находятся блуд, любовь и страсть. Несомненно, что блуд и любовь являются несовместимыми, в то время как страсть и блуд связаны между собой тесным и закономерным образом: первая является источником и причиной второго, в результате чего вполне можно говорить не о *темных аллеях любви*, а о *темных аллеях блуда* и, соответственно, о *светлых долинах любви*. Однако поскольку страсть, как уже отмечалось, часто выдается за любовь, то именно в силу этой подмены любовь и блуд нередко рассматриваются как стоящие близко друг к другу явления, в результате чего и появляется странный разговор о *темных аллеях любви*, хотя в действительности блуд и любовь стоят «по разные стороны баррикад».

5.2. «Как я люблю глубину твоих ласковых глаз»

Чем же отличается страсть от любви и любовь от страсти? Где надежный критерий, который позволил бы принципиально не только не подменять одно другим, но даже не сближать их и не пытаться как-то совместить несовместимое? В строгом различении и разграничении любви и страсти, опять же парадоксально, сойдутся две противостоящие мировоззренческие установки – советского коммунизма и православного христианства, которые дают одну и ту же *формулу любви*. Но, как ни удивительно, предельно ясное, яркое и исчерпывающее выражение этой формулы находим в советской художественной культуре: это знаменитые слова из необыкновенной по своей эмоциональной силе военной песни Н. Богословского и В. Агатова «Темная ночь» (1943 г.):

*«Как я люблю глубину твоих ласковых глаз¹⁰,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.
<...>*

---

¹⁰ Курсив мой. – прим. авт.

Смерть не страшна, с ней встречались не раз мы в степи.
Вот и теперь надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится!»¹¹

С этими словами не просто перекликаются, а являются, по сути, их полной параллелью строки из стихотворения К. Симонова «Жди меня, и я вернусь...» (1941 г.):

«Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня»¹².

Скажите, уважаемый читатель, если вы вдруг разделяете атеистические и материалистические позиции или хотя бы настроены скептически, – как женщина, которая ждет любимого с войны, может *спасти его своим ожиданием*? Несомненно, что природные законы здесь бессильны, физические принципы *близкодействия* или *дальнодействия* в данной ситуации не просто не работают, но и являются бессмысленными. Что же это такое, и о чем идет речь? Не о том ли, что это скрытая, безмолвная, неявная *молитва* о помощи тому, кто сейчас *среди огня*, – о сохранении и спасении его. Может ли та, которая ждет, *своими силами* сберечь и спасти ожидаемого? Не может! Значит, она тайным и невидимым образом просит об этом Господа Бога, *Который может все*. Получается, что советский поэт и писатель, как кажется, представитель коммунистического, материалистического и атеистического мировоззрения, выразил, более или менее явно, идею, противоположную материализму и атеизму.

---

¹¹ Песня «Темная ночь» / музыка Н. В. Богословского, слова В. Агатова // Лингвистический словарь Россия : сайт Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. URL: https://ls.pushkininstitute.ru/storage/moduleload.html?id=kar_temnaya_noch (дата обращения: 19.04.2026).

¹² Симонов К. Жди меня, и я вернусь... // Слова : сайт. URL: <https://slova.org.ru/simonov/zhdi-menya-i-ya-vernus/> (дата обращения: 19.04.2026).

На то, что речь идет не о простом, а о молитвенном ожидании, указывают строки из другого известного произведения К. Симонова – стихотворения «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» (1941 г.):

«Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: “Господь вас спаси!”
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

<...>

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих»¹³.

Здесь отметим, что знающие о войне не понаслышке, побывавшие на ней и увидевшие ее, говорят, что *в окопах и под пулями нет атеистов*. Также примечательно, например, что советская еженедельная газета «Безбожник», издававшаяся с декабря 1922 г., перестала выходить в июле 1941 г.

Трудно поспорить с тем, что и «Темная ночь», и «Жди меня...» – это произведения о любви, причем – подлинной, настоящей, не имеющей ничего общего со страстью. Попробуйте найти в первом или втором случае какие-либо признаки, проявления, следы, интуиции страсти – ничего не получится, т.к. ее там, в принципе, нет.

«Люблю глубину твоих ласковых глаз» – вот пусть художественная, но необыкновенно точная *формула любви* и ее критерий, позволяющий вполне определенно ответить на вопрос о том, что такое любовь, а также не подменять ее страстью и не сближать ее с ней. Найдете ли вы, уважаемый читатель, другую какую-нибудь формулу, способную составить альтернативу или «конкуренцию» той, которая представлена в музыкальной военной композиции «Темная ночь»? Причем речь здесь идет не о «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим». В данном случае, в основании формулы находится своего рода *объект объекта* люб-

---

¹³ Симонов К. «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» // Милитера : военная литература : сайт. URL: <https://militera.org/poetry/poets/s/g3812/verses/t8295> (дата обращения: 19.04.2026).

ви – *глубина ласковых глаз.*

Посмотрим, что, например, является таким объектом объекта у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»:

«...И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! Долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладельый,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне...»¹⁴

<...>

Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!¹⁵

Исходя из общего смыслового контекста как мировой, так и отечественной художественной литературы, можно сказать, что это строки о любви, хотя при сопоставлении чувств лирических героев «Евгения Онегина» и «Темной ночи» становится понятным, что в первом случае речь идет совсем не о любви, а о страсти. Но об этом, кажется, Александр Сергеевич говорит со всей определенностью:

«Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!»¹⁶

И тут же:

«Опять ее прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!..»¹⁷

Вновь та самая подмена – «любовь – это страсть», «страсть – это

---

¹⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин : роман в стихах // Собрание сочинений : в 10 т. Москва : Правда, 1981. Т. 4. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

любовь», или, по крайней мере, если и не отождествлять эти два явления, то непременно сближать их: где любовь, там и страсть, одно всегда «соседствует» с другим. Представляется, что такое сопоставление двух гениальных поэтических композиций из разных эпох дает надежный критерий различения любви и страсти на основе оценки того, что является объектом объекта любви: «Как я люблю глубину твоих ласковых глаз, как я хочу к ним прижаться сейчас губами» – это о любви; «Как я желал тогда с волнами коснуться милых ног устами» – о страсти. Обратим внимание на то, что любить «глубину ласковых глаз» – вполне целомудренно, а желать коснуться «милых ног устами» – не целомудренно, т.е. любовь совместима с целомудрием и чистотой, а страсть является несовместимой с ними. Также обратим внимание на строки «опять тоска, опять любовь» – и зададимся вопросом, как тоска может быть совместима с любовью или любовь – с тоской? Не очевидно ли, что в данном случае под любовью разумеется страсть, которая, будучи не утоляемой, неизбежно заставляет человека тосковать, страдать, в то время как именно любовь способна подарить ему счастье?

Посмотрим на *объект объекта* любви в известном стихотворении С. А. Есенина «Не бродить, не мять в кустах багряных...»:

«Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи –
К светлой тайне приложил уста»¹⁸.

Можно определенно заметить, что «гибкий стан и плечи», «сноп волос овсяных», а также все то, чем изобилуют и поэтические, и прозаические произведения, как раз противостоит одной-единственной *глубине ласковых глаз*.

Заключение, или «Один за всех, и все за одного»

Отношение к брачному союзу и семейной жизни в советской коммунистической парадигме и в православном мировоззрении является необыкновенно сходным, несмотря на то, что православ-

---

¹⁸ Есенин С. Не бродить, не мять в кустах багряных... // Слова : сайт . URL: <https://slova.org.ru/esenin/nebrodit/> (дата обращения: 19.04.2026).

ный брак является церковным, а советский – гражданским. Однако обратим внимание на то обстоятельство, что одним из условий церковного брака, или венчания, как правило, является заключение брака гражданского и в советский, и в постсоветский период отечественной истории, т.е. Церковь признает гражданский брак – в юридическом смысле этого слова, а не в переносном, где «гражданским браком» называется сожительство.

Одним из таинств Церкви является таинство Брака, в котором благословляется супружеский союз, испрашивается и подается благодать Божия для взаимной помощи и единокровия супругов и для рождения и христианского воспитания детей. Советский, внецерковный, секулярный, светский брак, как то ни удивительно прозвучит, также несет на себе печать сакрального, иначе чем возможно объяснить то, что в советскую эпоху приветствовалось, поощрялось, поддерживалось и воспитывалось целомудренное восприятие и понимание любви, трепетное отношение к семье и браку, осуждались добрачные связи, полигамные или блудные отношения, именовавшиеся развратом, *de facto* не одобрялись разрешенные *de jure* разводы, а общество и государство боролись за сохранение каждой советской семьи от распада? И для советского коммунизма, и для православного христианства одной из несомненных ценностей является дружная, крепкая, большая семья, процветание которой является залогом процветания общества, страны, народа, государства. Причем семья, состоящая из нескольких поколений, в которой нет неизбежного, кажется, конфликта отцов и детей, но, наоборот, присутствует историческая преемственность на основе добровольного идейного, ценностного, духовного единения людей, представляющего собой – в религиозном дискурсе – соборность, а в терминологии светского, формально безрелигиозного сознания советского человека – коллективизм.

Знаменитое положение, представленное латинским афоризмом “*unus pro omnibus, omnes pro uno*” – «один за всех, и все за одного», ставшее одним из главных топосов советской эпохи и культуры, вполне применимо и к православному пониманию мира и человеческой жизни. Однако в религиозном контексте это утверждение представляется несколько незавершенным, будто бы в нем не хватает одного слова: *один за всех, и все за одного* – что делают? И это слово, по всей видимости, «молятся»: *один за всех, и все за одно-*

го молятся – в таком именно виде данное изречение вполне выражает собой одну из основных установок православного, соборного сознания. Причем «все» и «один» в данном случае – это не только ныне живые, как в светской версии, но и усопшие, но не умершие, т.к. *смерти нет, и у Бога все живы*. В главной церковной службе, Божественной литургии, происходит таинственное соединение во Христе всех верующих в Него и уповающих на Него – *живых и мертвых*, а вернее – *усопших*. В надежде на милость Божию живые молятся Господу за усопших, а усопшие – за живых, и все мы, живые и мертвые, вечно живы – и только в этом случае есть смысл во всем происходящем и с человеком, и с человечеством.

Рассмотрим еще одно условно-категорическое умозаключение отрицающего модуса с тождественно-истинной формулой, строгим логическим следованием и достоверностью вывода при истинности посылок, подобное тому, которое было предложено в начале статьи ($((p \rightarrow s) \wedge \neg s) \rightarrow \neg p$): если и каждого человека, и все человечество, согласно атеистическим представлениям, ожидает полный, безусловный и безвозвратный конец, или небытие, то тогда все, происходящее ныне с каждым из нас и со всеми нами, не является бытием и должно быть признано небытием; однако мы твердо уверены, что все ныне происходящее с нами и вокруг нас есть несомненное бытие, следовательно, по завершении земной нашей жизни все не заканчивается, а продолжается и начинается, небытия нет, а есть только бытие, что и утверждали, например, греческие философы элейской школы приблизительно за полтысячелетия до появления христианского учения.

Получается, что отрицание сверхприродного закона сохранения личности, или бессмертия души, при признании природных законов сохранения (энергии, вещества, массы, импульса и т.д.), или алогичное утверждение будущего небытия является именно трагедией любого атеистического сознания, а советского атеизма – в особенности, ведь в нем, как мы увидели, постоянно прорываются отрицающие его интуиции бессмертия и существования трансцендентного мира, в силу несомненного наличия которых и возможно говорить о двух вертикалях – бесконечно далеких друг от друга и парадоксально близких – советского коммунизма и православного христианства. Одно из проявлений их удивительной *корреляции* – это необыкновенное и неожиданное согласие в вечной теме любви между полами, поиска человеком «своей второй по-

ловины», брачного союза и семейной жизни, когда смысловые векторы внерелигиозного и религиозного сознания оказываются однонаправленными и вместе противостоят современным либерально-демократическим, толерантно-релятивистским, гендерно-нейтральным представлениям о взаимоотношении полов – представлениям, которые будто бы раскрепощают и освобождают человека, а в действительности делают его заложником собственных страстей, которые отравляют его временное земное существование и закрывают путь в будущую вечную жизнь. «А что, если ее нет?!» – не унимается секулярное сознание. Если ее нет, то тогда весь нынешний разговор становится бессмысленным, ведь *на нет и суда нет*. Противоположный вопрос – для секулярного сознания: «А что, если она есть?!» Вот в этом случае и возможно как следует задуматься, и есть о чем говорить. Тем более что (и с этим согласятся представители всех противостоящих и дискутирующих мировоззрений) ни подтвердить, ни опровергнуть ни первое, ни второе утверждение невозможно.

Список литературы

1. *Басинский П. В.* Посмотрите на меня : тайная история Лизы Дьяконовой. Москва : АСТ, 2017. 224 с.
2. *Васильев Л. С.* «Основной вопрос философии»: идеи и интересы // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 152–162.
3. *Грачев М. В., Михайлов К. А.* Философия. Фундаментальный курс живой и свободной философии. Т. 1. Метафилософия. Онтология. Гносеология. Философия и методология науки. Москва : Академический проект, 2018. 659 с.
4. *Гусев Д. А.* Секулярная псевдокритика религиозного мировоззрения как фактор экзистенциальной и социальной неустойчивости. Часть 1. DOI: 10.51216/2687-072X_2024_1_14-38. EDN: SMNNBB // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2024. № 1 (26). С. 14–38.
5. *Гусев Д. А.* Религия, атеизм и наука: интерпретации взаимодействий и эвристических возможностей (в историко-философском и общетеоретическом аспектах) // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 65–76.
6. *Гусев Д. А.* «Основной вопрос философии» в контексте полемики теизма и атеизма как систем мировоззренческой навигации человека (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 58–68.
7. *Гусев Д. А., Потатуров В. А., Суслов А. В.* Теизм, атеизм и пантеизм

в контексте решения основного вопроса философии: антропологический аспект // *Философская мысль*. 2021. № 8. С. 92–113.

8. *Мамедова К.* Основной вопрос философии: решение и развитие // *Наука через призму времени*. 2017. № 6 (6). С. 50–56.

9. *Меньчиков Г. П.* Об изменении основного вопроса философии // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. Т. 152, № 1. С. 125–134.

10. *Никонов А. П.* Аппрейд обезьяны : большая история маленькой сингулярности. Москва : Энас, 2005. 145 с.

11. *Суслов А. В., Гусев Д. А.* Две вертикали, или Парадокс и трагедия советского атеизма // *Философия и культура*. 2023. № 2. С. 76–90.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026.

Статья принята к публикации 30.04.2026.

UDC 140.8

**TWO VERTICALS: THE FORMULA
OF LOVE IN SOVIET ATHEISM
AND IN ORTHODOX CHRISTIANITY
(HISTORICAL, PHILOSOPHICAL
AND WORLDVIEW ASPECTS)**

Dmitry Gusev

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Professor at the Department of Philosophy

Moscow Pedagogical State University

Professor at the Department of Social and

Humanitarian Disciplines

Moscow University named after S. Yu. Witte

111123, Russia, Moscow, Shosse Entuziastov,

82/2, bld. 1, ap. 19.

E-mail: gusev.d@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7078-4010>

For citation: Gusev D. A. Two verticals: the formula of love in Soviet atheism and in Orthodox Christianity (historical, philosophical and worldview aspects) DOI: 10.51216/2687-072X_2026_2_14–50. EDN: SFCXRD

// Theological Collection of Tambov Theological Seminary 2026, no. 2 (35), pp. 14–50.

Abstract

The worldview of a person in the Soviet era, not in the propaganda sense, but in the true sense of the word, can be called vertically oriented, as opposed to modern, horizontal liberal-democratic (in socio-political terms) and post-modernist (in philosophical terms) notions of the world and human existence. The vertical presupposes a certain ideal height, toward which objects, phenomena, events, actions, and thoughts are evaluated within a system of coordinates of “lower-higher,” “worse-better”, while the horizontal precludes any upward movement, evaluating everything within the paradigm of “this-other (different)-equally acceptable,” so long as it does not contradict the accepted and current legislation in public life. The Christian Orthodox worldview, forcibly displaced in the history of Russian society after the 1917–1921 revolution, is also vertical.

Marxist materialism and Christian theism are seemingly irreconcilable ideological opposites, yet they are united by their vertical orientation, which constitutes both the paradox and tragedy of Soviet atheism. The opposition of these two verticals and their constant ideological “roll call” find expression in various works of Soviet artistic culture.

One manifestation of the interaction and intersection of these two incompatible verticals is their extraordinary and surprising agreement on the eternal theme of love between the sexes, the search for one’s “other half,” marriage, and family life. In this case, the semantic vectors of Soviet communism and Orthodox Christianity are paradoxically unidirectional and together oppose modern “progressive” liberal-democratic, tolerant-relativistic, gender-neutral notions of gender relations.

Keywords: fundamental question of philosophy; atheism; theism; Orthodoxy; Carnal love; Christian marriage; religious thinking; secular consciousness.

Funding: This study did not receive external funding.

Conflict of interest: The author declares no conflicts of interest.

References

1. Basinsky P. V. *Posmotrite na menya: tainaya istoriya Lizy D'yakonovoi* [Look at me: Liza Dyakonova’s secret story]. Moscow, AST Publ., 2017, 224 p. (In Russian).

2. Vasiliev L. S. “Osnovnoi vopros filosofii”: idei i ineterisy [“The main issue of philosophy”: ideas and interests]. *Obshchestvennyye nauki i sovremenost’* [Social sciences and modern times]. 2008, no. 5, pp. 152–162. (In Russian).

3. Grachev M. V., Mikhailov K. A. *Filosofiya. Fundamental’nyi kurs zhivoi i svobodnoi filosofii* [Philosophy. Fundamental course of living and free philosophy]. Moscow, Academicheskyy Proekt Publ., 2018, vol. 1, Metaphilosophy. Ontology. Gnoseology. Philosophy and Methodology of Science, 659 p. (In Russian).

4. Gusev D. A. Sekulyarnaya psevdokritika religioznogo mirovozzreniya kak factor ekzistentsial’noi i sotsial’noi neustoichivosti. Chast’ 1 [Secular pseudo-criticism of religious worldviews as a factor of existential and social instability. Part 1]. DOI 10.51216/2687-072X_2024_1_14-38. EDN SMN-NBB *Bogoslovskii sbotnik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2024, no. 1 (26), pp. 14–38. (In Russian).

5. Gusev D. A. Religiya, ateizm i nauka: interpretatsii vzaimodeistvii i evresticheskikh vozmozhnostei (v istoriko-filosofskom i obshcheteoreticheskom aspektakh) [Religion, atheism, and science: interpretations of interactions and heuristic possibilities (in historical, philosophical, and general theoretical aspects)]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2018, no. 8, pp. 65–76. (In Russian).

6. Gusev D. A. “Osnovnoi vopros filosofii” v kontekste polemiki teizma i ateizma kak system mirovozzrencheskoi navigatsii cheloveka (istoriko-filosofskii i obshcheteoreticheskie aspekty [“The fundamental question of philosophy” in the context of the polemics of theism and atheism as systems of human worldview navigation (historical, philosophical, and general theoretical aspects) *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2020, no. 6, pp. 58–68. (In Russian).

7. Gusev D. A., Potaturov V. A., Suslov A. V. Teizm, ateizm i panteizm v kontekste resheniya osnovnogo voprosa filosofii: antropologicheskii aspect [Theism, atheism, and pantheism in the context of the solution of the fundamental question of philosophy: an anthropological aspect]. *Filosofskaya mysl’* [Philosophical Thought]. 2021, no. 8, pp. 92–113. (In Russian).

8. Mamedova K. Osnovnoi vopros filosofii: reshenie i razvitiye [The fundamental issue of philosophy: solution and development]. *Nauka cherez prizmu vremeni* [Science Through the Prism of Time]. 2017, no. 6 (6), pp. 50–56. (In Russian).

9. Menchikov G. P. Ob izmenenii osnovnogo voprosa filosofii [On the change in the fundamental issue of philosophy]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Transactions of Kazan University]. 2010. Series: Humanities, vol. 152, no. 1, pp. 125–134. (In Russian).

10. Nikonov A. P. *Apgreid obez'yany: bol'shaya istoriya malen'koi singularnosti* [Monkey upgrade: the big story of a small singularity]. Moscow, Enas Publ., 2005, 145 p. (In Russian).

11. Suslov A. V., Gusev D. A. Dve vertikali, ili Paradoks i tragediya sovet-skogo ateizma [Two verticals, or the Paradox and tragedy of Soviet atheism]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2023, no. 2, pp. 76–90. (In Russian).

Received 17 March 2026.

Accepted for press 30 April 2026.